

БИБЛИО ГРАФИЯ

Этика библиографа

Христианская информатика

Собиратель земли Русской (Иван Калита)

*Главное - любовь ко всему, что делаешь
(Интервью с Юрием Ковалем)*

Вадим Егоров: стихи и библиография

Михаил Булгаков: библиографические разыскания

Воспоминания Валерии Цветаевой

Владимир Высоцкий: возвращение через библиографию

4 В

ИЮЛЬ-АВГУСТ
1993

Л.М.Равич

Н.И.НОВИКОВ И КРУГ "БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСОК"

Летом 1818 г. в своем имении Тихвинском-Авдотьино близ Москвы скончался Николай Иванович Новиков.

"Долго помышлял, — писал он в пору своей зрелости, — чем бы мог я оказать услугу моему отечеству. Думал иногда услужить каким-нибудь полезным сочинением, но воспитание мое и душевные дарования положили к тому непреодолимые препоны. Наконец, вспало на ум, чтобы хотя изданием чужих трудов принести пользу своим согражданам"¹.

Действительно, Новиков не оставил нам капитальных трудов, если не считать "Опыта исторического словаря о российских писателях" (1771); он издавал книги и журналы, которые никто уже давно не читает... Почему же теперь, через 175 лет после его кончины, мы вспоминаем его?

Дело жизни Николая Ивановича Новикова можно определить тремя словами: он распространял свет просвещения. Такое деяние в любой стране окружено почетом, но в России, где народ в течение столетий искусственно держали в невежестве, — это

подвиг! Конечно, Новиков был выдающимся издателем, талантливым журналистом-сатириком, библиографом и историком литературы. Но прежде всего он был просветителем. Именно это обеспечило ему бессмертие.

Но будет несправедливым не вспомнить тех, кто приподнял завесу тайны, окружавшей просветителя, кто собирал и публиковал документы, относящиеся к нему, кто составлял библиографию его изданий, — короче говоря, тех, кто создал массив материалов, позволивший приступить к научной разработке жизнеописания Н.И.Новикова.

Трагическая судьба Новикова была одной из тех позорных тайн самодержавия, которые хранились за семью печатями. За какие провинности почтенный, всеми уважаемый человек, отнюдь не бунтовщик, был брошен Екатериной II в Шлиссельбургскую крепость — не было понятно ни современникам, ни ближайшим потомкам. Бытовавшее в русском обществе мнение, что причиной были масонские дела, не выдерживало критики: наказание было несоразмерно преступлению.

"Невольно вдумываешься во всю деятельность Новикова и отыскиваешь нить, проходящую от него до 14 де-

¹Цит. по.: Афанасьев А.Н. Николай Иванович Новиков: Биограф. очерк // Библиогр. зап. 1858. № 6. Стб. 164 — 165.

кабря, — писал Огарев, — и досадно, что наука его жизни так мало разработана². Это было написано в 1861 г. Но именно в это время (и даже несколько ранее) большая группа исследователей принялась за разработку новиковских материалов. Условно назовем их "кругом "Библиографических записок" (М., 1858 — 1859, 1861). Трое из них были редакторами этого журнала: А.Н.Афанасьев, М.П.Полуденский и В.И.Касаткин, остальные — его постоянными авторами: это — П.А.Ефремов, Е.И.Якушкин, Г.Н.Геннади, М.Н.Лонгинов. Им обязана наша наука созданием основного корпуса документов, на которые до сих пор опираются все исследования как о Новикове, так и о возглавлявшемся им русском масонстве.

Для того чтобы начать изучение жизни и деятельности замечательного просветителя, им надо было иметь определенный резерв, некие накопления, которые дали бы первоначальный документальный материал, основу для построения концепции. Такой "кладовой" оказались собрания русских библиофилов. Новиковские документы и издания копились и бережно сохранялись в этих библиотеках и изучались многими книжниками. Их переписка и дневники дают об этом достаточно ясное представление. К сожалению, они, как правило, остаются неопубликованными.

Г.Геннади, еще будучи студентом, среди других планов на будущее, намеченных к осуществлению по окончании университета, записал в своем дневнике: "Биография и заслуги Нови-

кова (его издания)"³. Он становится одним из усерднейших собирателей книг и журналов Новикова, многие из которых стали к тому времени библиографической редкостью. Достаточно сказать, что Геннади был одним из немногих счастливцев, имевших в своем собрании "Опыт исторического словаря о российских писателях" — лучшую литературно-критическую и библиографическую работу Н.И.Новикова.

Библиофилы того времени охотно делились с коллегами своими сокровищами. Например, П.А.Ефремов просил Якушкина позволить ему воспроизвести портрет Новикова с заказанной в Лейпциге гравюры. На это последовало официальное разрешение: "На письмо ваше о портрете Новикова честь имею уведомить вас, что совершенно согласен на перепечатку вами изданного мною в 1858 году портрета Новикова"⁴. Портрет, о котором идет речь, был подарен дочерью Новикова Верой Николаевной Д.П.Руничу, от него перешел к Якушкину, который и опубликовал репродукцию в "Библиографических записках". Это было первое в русской печати воспроизведение известного портрета кисти Боровиковского.

В богатой библиотеке Е.И.Якушкина в Ярославле были и многие новиковские журналы. Не отставали от него и П.А.Ефремов и А.Н.Афанасьев — друзья его молодости. М.П.Полуденский владел редкими изданиями, приобретенными еще его дедом

³ОР РНБ. Ф. 178. Геннади Г.Н. Записная книжка. 1845 г. Л. 35.

⁴РО ИРЛИ. Ф. 357. Арх. П.А.Ефремова. Якушкин Е.И. Письма к П.А.Ефремову. 3 нояб. 1864 г. Л. 1.

А.М.Луниным, екатерининским вельможей. Крупнейший знаток XVIII в. М.Н.Лонгинов был усердным собирателем изданий просветителя. Но самой обширной коллекцией обладал Виктор Иванович Касаткин, библиотека которого славилась богатейшим подбором масонских книг и рукописей. Собрать это было далеко не просто. Книготорговцы-букинисты, в руки которых время от времени попадал такой материал, боялись открыто торговать им — ведь масонские и вообще новиковские издания и в середине XIX в. принадлежали к числу полузапретных!

На основе частных книжных собраний библиофилы-библиографы середины века рассказали в печати об отдельных изданиях Новикова или о книгах, которые относились к нему и его делу; переиздали сатирические журналы Новикова и публикации относящихся к нему и русскому масонству в целом архивных документов; составили библиографические указатели по этим темам; подготовили исследовательские работы.

Жанр "рассказов о книгах", который получил у нас популярность в связи с развитием книголюбия, имеет давнюю историю. Родоначальником, создателем его является Михаил Николаевич Лонгинов. В 1856 — 1858 гг. на страницах "Современника" специально для него был организован раздел под названием "Библиографические записки", в котором он опубликовал десятки интереснейших библиофильских новелл. Среди прочих редкостей XVIII столетия Лонгинов рассказал и о книге, изданной в Туле и направленной против масонов. Это эссе, названное им "Мартинисты и их

противники", было едва ли не первым в русской печати сообщением о Новикове и масонстве. Пользуясь случаем, Лонгинов рассказал и о переведенной и изданной Новиковым книге Сен-Мартена "О заблуждениях и истине", пользовавшейся громадной популярностью в кругу просветителя. Эта публикация с большим трудом прошла через цензурные препоны (о чем сообщает Лонгинов в письме к Полторацкому)⁵, хотя Новиков здесь только упоминается. Очерк опубликован в четвертом номере "Современника" за 1857 г. Далее наступает значительный перерыв, без сомнения, вызванный цензурными и "автоцензурными" опасениями.

Только в 1861 г. в третьем номере журнала "Библиографические записки" (принявшем свое название от лонгиновского раздела), выходящего в то время под редакцией В.И.Касаткина, была опубликована заметка Е.И.Якушкина о новиковском "Повествователе древностей российских". Кроме "рассказа о книге", приводится текст предисловия, написанного Новиковым в защиту исторических публикаций. Мнение просветителя было дорого нашим библиографам-публикаторам как еще одно подтверждение нужности и важности их собственных работ, далеко не всегда встречавших сочувствие современников.

Большой интерес представляет развернутый рассказ Ефремова о шести переизданиях новиковского "Живописца", предпосланный осуществлен-

⁵"Мартинисты" цензором были остановлены, но Щербатов с двумя пропусками дозволил (письмо от 24 февраля 1857 г.). См.: Сборник Пушкинского Дома на 1923 г. Пг., 1922. С. 223.

²Огарев Н. П. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. М., 1957. С. 474.

ному им седьмому изданию (1864).

С середины 1850-х гг. делались попытки переиздания сатирических журналов Новикова. Начал эту кампанию А.Н.Афанасьев, издавший на свои более чем скромные средства три старых журнала, среди которых был новиковский "Кошелек". В рецензии на это переиздание Добролюбов упрекнул Афанасьева за выбор журналов. Ему хотелось бы увидеть более острые — "Живописец" и "Трутень". Критик не знал, что еще в 1857 г. Афанасьев пытался это сделать, но безуспешно. «"Трутень" цензура не пропустила, — сообщал Афанасьев в письме к Геннади, — следовательно, о "Живописце" и "Смеси" и думать нечего»⁶.

Только много лет спустя энергичнейшему П.А.Ефремову удалось переиздать "Живописца", а затем и "Трутень". Вполне возможно, что переиздание их было осуществлено по экземплярам, имевшимся у Геннади.

Ефремовское издание "Живописца" снабжено обширным предисловием и справочным аппаратом. Мы пользуемся им до сих пор. Переизданный в 1865 г. "Трутень" вышел вовремя: выстрел Каракозова в 1866 г. вызвал новую волну преследования печати. Приходилось выбирать для переиздания более "спокойные" новиковские тексты. В 1867 г. П.А.Ефремов выпустил в свет сборник "Материалы для истории русской литературы", в который вошли "Опыт исторического словаря о российских писателях", "Известие о некоторых русских писателях" 1768 г. — немецкий текст и переводы на французский и русский языки (пе-

ревод на русский язык выполнен М.Л.Михайловым, умершим на каторге) и некоторые другие материалы. В предисловии Ефремов дает обстоятельную характеристику новиковского "Опыта..." и немецкого "Известия...", заодно исправляя содержащиеся в них ошибки и неточности. Это издание до сих пор используется исследователями.

Надо сказать, что только следующие поколения гуманитариев сумели оценить по достоинству труды библиографов. Русская печать не баловала их вниманием.

Публикатором важных новиковских и масонских материалов был В.И.Касаткин. Ему удалось раздобыть интересный документ — письмо М.И.Невзорова известному масону О.И.Поздееву, написанное в начале XIX столетия и подводющее итог судьбам масонства новиковского толка. Сам Невзоров был послан на средства ордена за границу, получил в Германии степень доктора медицины, воротился в отечество, но на границе был арестован, обвинен в якобинстве (к которому, естественно, не имел ни малейшего отношения), препровожден в Петропавловскую крепость, допрошен пресловутым Шешковским, т.е. прошел все те круги ада, что и учитель его Новиков. Правда, из крепости он попал не в Шлиссельбург, а в сумасшедший дом... Казалось бы, дело давнее (Невзоров был освобожден еще при Павле I), но не тут-то было: цензура ни за что не пропускала невзоровское письмо.

Редактор "Библиографических записок" А.Н.Афанасьев писал П.П.Пекарскому: "Вы жалуетесь на цензурные шалости; у нас эта богомольная дура

1338
делает выходки почище. Крузе взял отпуск на месяц, и теперь дали нашим журналам нового цензора, некоего Капниста, который, если бы можно, запретил бы "Ябеду" своего однофамильца: такое дрянцо, что не уступит Бессомыкину, Фрейгангу и прочей братии, подвизающейся на поприще литературной полиции. Этот кварталный московской журналистики похерил у нас почти целый номер, и вот причина невыхода "Библиографических записок" к сроку. А какая была набрана статья! Вы просто облизали бы себе пальчики и раза два-три причмокнули: так сладко! Это прекраснейшее послание Невзорова, касающееся его собственной биографии, Дружеского общества и масонства в Москве. Материал еще никому не ведомый"⁷.

Как только цензор вернулся из отпуска, Афанасьев вновь сделал попытку (на этот раз успешную) пробить документ в печать. Он появился в ноябрьском номере журнала за 1858 г. Возможно, это был последний острый материал, пропущенный Николаем Федоровичем Крузе. В декабре того же года он был уволен за либерализм. Передовое русское общество устроило ему шумное чествование; Некрасов посвятил ему стихотворение; была организована денежная подписка. Для "Библиографических записок" отставка Крузе стала настоящим бедствием. Вся последующая деятельность редакции этого журнала — сплошная война с цензурой⁸.

⁷ОР РНБ. Арх. П.П.Пекарского. Ф. 159. Письмо от 23 сент. 1858 г. Л. 1 — 1 об.

"Богомольная дура" — выражение А.С.Пушкина.

⁸Подробнее см.: Равич Л.М. А.Н.Афанасьев и журнал "Библиогра-

Уже во время своего редакторства (1861) Касаткин опубликовал любопытное стихотворение "Псалма на обличение франкмасонов", к которому сделал такое примечание: "Стихотворение это заимствовано из имеющегося у нас сборника разных стихотворений, писанных почерком старого скатеринского времени. Сборник составлен между 1765 и 1775 годами. Кроме приведенного нами "псалма" в нем есть еще другое стихотворение о франкмасонах. Мы также намерены привести его впоследствии"⁹. Но ничего больше цензура не пропустила. Если еще стихи "на обличение" масонов как-то проходили, то уже в похвалу им — никак, хотя официального запрета на масонскую тему не существовало. Масонофобия тогдашней русской цензуры очень похожа на "антимасонские" выходки современной черносотенной прессы, обладающей удивительным умением наследовать все самое дурное.

Активным собирателем и публикатором новиковских документов был соредaktor Афанасьева М.П.Полуденский. Опубликованные им в "Библиографических записках" "Материалы для биографии Новикова" относятся уже к последнему периоду жизни просветителя, когда, возвращенный из крепости, он пытался привести в порядок дела и расплатиться с кредиторами. Тут мы находим и "Прошение" Новикова к Опекунскому совету об отсрочке долга, и чиновничью переписку по этому делу. Сведения относятся к 1810 г. и дают наглядное представление о том, каким тяжким было

фические записки" // Сов. библиогр. 1971. № 6. С. 45 — 60.

⁹Библиогр. зап. 1861. № 3. Стб. 70.

⁶Собиратели книг в России. М., 1988. С. 22.

положение помилованного Павлом I старого, больного и, в сущности, сломленного Новикова.

Интересную работу поместил в "Библиографических записках" поэт-переводчик и публицист М.Л. Михайлов. Это была публикация и перевод найденного им текста немецкого "Известия о русских писателях", послужившего, как известно, поводом для создания новиковского "Опыта исторического словаря о российских писателях". Еще в 1851 г. С.Д. Полторацкий опубликовал в "Bulletin du Nord" (журнале, издававшемся в Петербурге на французском языке) вышедшее в конце XVIII в. в Ливорно "Известие о некоторых русских писателях". Ни автор, ни история создания этого списка не были тогда известны, между тем он вызвал живейший интерес в среде книговедов. "Полторацкий обедал у меня с М.Л. Михайловым, — сообщает Геннади Лонгинову. — Толковали о ливорниском Essai и его авторе"¹⁰. Некоторые книжники высказывали предположение, что это эссе — французский перевод того немецкого "Известия...", на которое ссылался Новиков. Отыскать подлинник на страницах немецких журналов конца XVIII в. и показать его идентичность с ливорниским эссе удалось признанному знатоку европейской литературы и библиографии М.Л. Михайлову. Это важное открытие (свидетельство возраставшего интереса Европы к русской культуре) он опубликовал, а Касаткин прокомментировал. В том же 1861 г. совместная работа вышла отдельным изданием, а в 1867 г. перепечатана

¹⁰РО ИРЛИ. Арх. М.Н. Лонгинова. Геннади Г.Н. Письма к Лонгинову. 4 февр. 1858 г. Л. 1 об.

Ефремовым в составе "Материалов для истории русской литературы". Сборник включил, таким образом, находку Михайлова, публикации самого Ефремова и портрет Новикова, гравюру с которого заказал Якушкин. Это — характерный пример сотрудничества библиографов прошлого века, когда находка одного становилась достоянием всех.

Таким образом, усилиями библиографов были переизданы основные труды Н.И. Новикова. Для полноты картины укажем, что в 1873 г. А.Н. Неустроев переиздал газету "Санктпетербургские ученые ведомости". Итак, были переизданы три новиковских журнала, газета, "Опыт исторического словаря о российских писателях" и несколько менее крупных произведений (в частности, Полуденский опубликовал в "Русском архиве" в 1863 г. редчайшую брошюру — приглашение на открытие Дружеского учебного общества). Напомним, что известный труд Неустроева "Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках" (1875) не только включает перечень новиковских журналов, но и раскрывает содержание каждого номера.

Почти одновременно с первыми публикациями новиковских материалов началось библиографирование его изданий и литературы о нем. Значительное число книг, выпущенных Новиковым, было указано в каталогах Сопикова и Смирдина, однако предстояло разыскать и описать множество изданий, не попавших в поле зрения собирателей. В особенности это относилось к книгам, конфискованным при аресте Новикова и тогда же уничтоженным властями. Кроме того,

издания Новикова в старых библиографиях не были выделены особо, а на иных книгах не был указан издатель. Все это позволяло смотреть на новиковскую библиографию как на область, слабо исследованную.

Следует отметить коллективный характер этой работы. Опираясь при составлении новиковской библиографии на личные собрания, каждый из книжников давал свои списки на просмотр коллегам.

Крупные библиографические своды были приложены к двум монографиям М.Н. Лонгинова: "Новиков и Щварц" и "Новиков и московские мартинисты". Вторая работа, более поздняя, содержала полную библиографию новиковских изданий. Кроме того, в первом томе "Сочинений" М.Н. Лонгинова (1916) был опубликован собиравшийся им всю жизнь указатель "Перечень книг и статей, относящихся к Новикову и к его эпохе (1744 — 1818)", который содержал около ста записей. В "Росписи книгам, печатанным в университетской типографии у поручика Новикова", приложенной к монографии "Новиков и московские мартинисты", были указаны ошибки прежних библиографий и приведены ссылки на соответствующие номера в указателях Сопикова и Смирдина.

Литература о Новикове и его основные труды приведены и в третьем томе "Справочного словаря о русских писателях и ученых" Г.Н. Геннади. В нем сделана попытка дать характеристику работ Новикова-публициста. Геннади отмечает, что в своих журналах он "является защитником образования и науки, бичует невежество, нападает на крепостное право и выкалывает талант сатирического писате-

ля... Возбуждать любовь к чтению изданием книг и журналов, заводить училища, поощрять занятия литературою — таковы были заботы Новикова и его кружка" (с. 44 — 45). Геннади, как и большинство его современников, не мог понять причин гонений, обрушившихся на просветителя, занятого мирным трудом.

Много позднее внук декабриста В.Е. Якушкин выдвинул правдоподобную версию. В своей речи, прочитанной в 1894 г. в Обществе любителей российской словесности на заседании, посвященном 150-летию со дня рождения Н.И. Новикова, он сказал: "Новиков был самостоятельным общественным деятелем, и вот этого-то Екатерина не хотела и не могла простить ему. Новиков делал широкое и важное общественное дело независимо от официального направления, без прямой связи с деятельностью тогдашнего правительства. Только этой общей причиной и можно объяснить осуждение Новикова. Он был главою общественного движения"¹¹. Надо полагать, что таково было мнение и Евгения Ивановича Якушкина, сотрудника "Библиографических записок" (известно, что В.Е. Якушкин разрабатывал многие положения, сформулированные его отцом).

С середины 1850-х гг. наряду с публикациями документов появляются и первые исследовательские работы. Авторами их были те же книговеды, что вполне объяснимо: они владели материалом. Еще до того, как библиографическая общественность получила собственный журнал, А.Н. Афанасьев

¹¹Почин: Сб. О-ва любителей рос. словесности на 1895 г. М., 1895. С. 178 — 179.

выступил в печати с исследованием о русской сатирической журналистике XVIII столетия. Вначале это был цикл статей, печатавшихся в "Отечественных записках" (1855. № 3, 4, 6), а затем – отдельное издание – "Русские сатирические журналы 1769 – 1774 гг. Эпизод из истории русской литературы прошлого века" (М., 1859). Понятно, что центральное место в этом исследовании заняли журналы Новикова.

Даже Н.А.Добролюбов, как известно, скептически относившийся к трудам библиографов, нашел нужным подчеркнуть, что "книга Афанасьева содержит в себе множество любопытных выписок из сатирических журналов – о ханжестве, дворянской спеси, жестокостях и невежестве помещиков и т.п. Выписки эти в прежнее время были невозможны"¹².

Афанасьеву удалось приобрести комплекты журналов, о которых он писал. Если иметь в виду их редкость, с одной стороны, и ограниченность материальных возможностей автора – с другой, то можно только удивляться его энергии и удачливости. "Имея хорошую библиотеку по русской истории и значительное собрание русских журналов, – писал об Афанасьеве близко его знавший Геннад, – он извлек из них этюды свои о сатирических журналах прошлого века"¹³.

Большое количество новиковских материалов содержала статья Афанасьева о сподвижнике просветителя И.В.Лопухине¹⁴. Несколько ранее он

выступил на страницах "Библиографических записок" со статьей, посвященной Новикову (1858. № 6). Обширный биографический очерк впитал в себя все, что было к тому времени известно о жизни и трудах просветителя. Впрочем, сам Афанасьев считал свою работу предварительной: "Полная, отчетливая биография Новикова требует еще многих трудов и поисков" (стб. 162).

Самым крупным исследователем новиковских материалов среди библиографов XIX в. был М.Н.Лонгинов. Вот его работы о Новикове и возглавляемом им русском масонстве: "Мартинисты и их противники" (Современник. 1857). "Новиков и Шварц: Материалы для истории рус. лит. в конце XVIII в." (Рус. вестн. 1857. № 19), "Посещение села Авдотьино-Тихвинского, принадлежавшего Новикову" и "Новые подробности для биографии Новикова и Шварца" (Там же. 1858. № 15), "Новые подробности по делу Новикова и прочих мартинистов" (Там же. 1859. № 21), "Новиков и московские мартинисты" (М., 1867) – главная монография, подытожившая все ранее найденное; в приложении к ней дана библиография изданий Новикова, "Масонские бумаги" – публикация, послесловие и примечания (Восемнадцатый век. Т. 3. М., 1873).

Кроме того, Лонгинову принадлежат рецензии на книгу Афанасьева и на переиздание им сатирических журналов, а также Ефремовым "Живописца" и "Трутня". Итого – десять работ, не считая публикации в "Восемнадцатом веке", которая была сделана незадолго до его смерти. Новиковым он, таким образом, занимался всю сознательную жизнь.

Большая часть статей была опубликована в "Русском вестнике". Когда Лонгинов напечатал у Каткова свою выдающуюся работу "Новиков и Шварц", впоследствии вышедшую двумя изданиями, Некрасов и Панаев были этим очень обижены, считая, что он должен был отдать ее в "Современник". Лонгинов, оправдываясь перед ними, разъяснял, что эта работа в "Современнике", особо бдительно цензурируемом, не прошла бы (ведь куда более "невинную" статью "Мартинисты и их противники" удалось напечатать с большим трудом и значительными купюрами). Друзья согласились, что в этом "есть резон", как отметил Панаев: за спиной влиятельного Каткова куда покойнее.

В этой работе Лонгинов пишет: "Пройдет, может быть, еще немало времени, пока обстоятельства и близкое изучение неизданных и малоизвестных документов сделают возможным обнаружение полной и верной характеристики и биографии одного из замечательнейших деятелей на поприще нашего просвещения. До сих пор на одном почти предании основано все, что мы знаем о событиях его жизни. Но едва ли мы дождемся такого в высшей степени любопытного и важного труда, если мы не будем пока собирать все, хотя бы самые незначительные материалы и стараться группировать их с материалами уже опубликованными, но отрывочными и разбросанными, связывая все это нитью рассказа, основанного на верных свидетельствах всякого рода"¹⁵.

¹⁵Рус. вестн. 1857. № 19.

Перепечатано в кн.: Лонгинов М.П. Сочинения. Т. 1. М., 1916. С. 202.

Это, к слову говоря, кредо библиографической школы: сначала собиранье, затем публикация, систематизация, а уже в будущем – выводы. Это именно то "библиографическое крохоборчество", которым так любили попрекать книжников середины века чх нетерпеливые современники, а за ними – советские исследователи, проявляя при этом черную неблагодарность, ибо они сами полностью опирались на все те "мелочи", которые собирали их предшественники. И вот что характерно: работы Лонгинова, как правило, не содержали выводов политического характера, но они напрашивались сами собой. Особенно отчетливо это проявилось в рецензии А.Н.Пыпина на монографию "Новиков и московские мартинисты" (Вестн. Европы. 1867. № 3).

Лонгинов послал свою книгу старому декабристу-изгнаннику Н.И.Тургеневу. Тот оценил ее по заслугам. "Книга г. Лонгинова, – писал он П.И.Бартеневу, – которую он мне прислал и которую я теперь читаю, есть весьма замечательное явление в нашей словесности. Когда прочту, постараюсь сказать автору мое искреннее мнение о его сочинении. Но меня уже сильно поражает рассказ его. Он представляет нам людей самых честных, добрых, религиозных, которые как-то неожиданно воспрянули посреди общества, погруженного в глубокий мрак в нравственном и особенно в гражданском отношении. Предавшись мистическим стремлениям, они ими не удовлетворялись: любовь к людям вообще и к своей земле в особенности привела их к добру практическому, к добру образованности и просвещения, в коих Россия наиболее

¹²Добролюбов Н.А. Собр. соч.; В 9 т. Т. 5. М., 1962. С. 319.

¹³Геннад И.И. Справочный словарь о русских писателях и ученых... Т. 1. Берлин, 1876. С. 54.

¹⁴Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. 1861. №1.

нуждалась. На этой почве они совершали то, что едва ли было где-либо и когда-либо совершенно с таким очевидным успехом. И посреди этой святой деятельности они вдруг очутились лицом к лицу пред глупыми и злыми невеждами, которые обвиняли их в таких преступлениях, о каких допрашиваемые не помышляли и не могли помышлять. Защита для них была невозможна. Это явствует из всего рассказа автора¹⁶.

Нечего и говорить о том, как дорога была Лонгинову похвала "хромого Тургенева" – сына Ивана Тургенева, известного масона, сподвижника Новикова.

А вот как прочитал эту книгу советский исследователь XVIII в. Г.П.Макогоненко, автор монографии "Николай Новиков и русское просвещение XVIII века": "Одной из первых работ, опубликовавшей новый богатый материал и сводившей все ценное из ранее изданного, было исследование реакционера цензора М.Н.Лонгинова. Его книга представляет собой первую попытку "связного изложения всех фактов", попытку построения концепции о Новикове" (с. 11). "Враг революционных демократов, Лонгинов, занимаясь историей русской литературы и культуры, тщательно вытраивал из нее все передовое, демократическое, облыжно зачислял великого русского просветителя в лагерь охранительной, придворной, "карманной" ее императорского величества литературы" (с. 13)¹⁷.

Тут что ни слово, то натяжка. Ка-

¹⁶Летописи Гослитмузея. Декабристы. Кн. 3. М., 1938. С. 341.

¹⁷См. также рец.: Вопр. философии. 1956. № 6.

кими же глазами надо было прочесть книгу усердного исследователя, пронизанную глубочайшим пиететом перед Новиковым, чтобы извлечь из нее подобные выводы! А дело все в том, что концепция Лонгинова (и его современников, первооткрывателей темы) подрывала взгляд советских специалистов на Новикова как на революционера. Ведь у нас каждого видного деятеля рядили в "красные" одежды, тем более такого, который пострадал от действий власти. Между тем Новиков и его товарищи-масоны были как нельзя более далеки от политики. Более того, они были враждебны французской материалистической философии и не приняли Великую французскую революцию. Филантропия и просветительство, которыми они были заняты, были, конечно, громадным общественным делом, но отнюдь не революционным. Дух деизма и гуманности, которым было пронизано русское масонство, не оставлял места революционности¹⁸.

Не стоило бы останавливаться на вздорных домыслах Макогоненко и ему подобных, если бы они были гласно отринуты и опровергнуты. Но приходится с грустью констатировать, что Лонгинову как исследователю Новикова приклеены те же ярлыки, от которых так пострадали деятели русской библиографии середины прошлого века. Отраженная в кривом зеркале нашей "науки", она оказалась

¹⁸Об этом писали все крупнейшие дореволюционные историки – Н.Н.Буллич, Н.С.Тихонравов, А.Н.Пыпин, – первоклассные знатоки проблемы. Обвинение в якобинстве которое предъявлялось Екатериной II некоторым масонам, было чистейшим лицемерием, просто предлогом.

сплошь заселенной реакционерами, формалистами и объективистами, которые умудрились оставить нам труды, вошедшие в золотой фонд книговедения, да и историко-литературной науки тоже.

Эта легенда была создана и для оправдания грубых, несправедливых нападок Добролюбова, Антоновича, Писарева на современную им библиографию, в которой они не увидели ничего, кроме "библиографического хранения" и гробокопательства. Но если еще как-то можно понять этих людей, то уж никак нельзя оправдать наших историков.

История с Лонгиновым – еще одно подтверждение той уже отчетливо сознаваемой многими мысли, что пути и судьбы отечественной библиографии должны быть описаны по-новому, без штампов, без оглядки на те насмешки, которыми осыпали библиографов их близорукие современники из радикального лагеря, ибо вред, нанесенный нашей исторической науке этой канонизацией, неисчислимы. Тот же Макогоненко (а с ним и многие другие), предавая анафеме тех, кто писал о Новикове до революции (включая и таких безусловно прогрессивных исследователей, как Афанасьев, Пыпин и даже Плеханов), уверял, что они в этом вопросе "отошли от позиций революционных демократов", делая вид, что эта позиция всем известна. Между тем ее попросту не существовало. Никто из этих деятелей Новиковым не занимался. Гибельная методика, по которой любое мнение и течение можно было дискредитировать сравнением с "более прогрессивным", – люби-

мый фокус наших историков.

Итак, круг "Библиографических записок". Что он нам оставил? Можно без преувеличения утверждать, что история русской культуры, история российской интеллигенции получили весьма солидное наследство: монографические труды, публикации документов, факсимильные переиздания литературных памятников, библиографические своды. Все это богатство послужило фундаментом, на котором выросли последующие работы, посвященные Новикову.

Но это еще не все. Собранные библиографами прошлого века богатые материалы по русскому масонству ждут своего исследователя. Даже лучшие дореволюционные работы по масонству сильно устарели. Феномен масонства новиковского толка (сильно отличающийся от европейского) еще не исследован глубоко и непредвзято. И современные работы не свободны от просчетов, от "атеистического" неприятия глубокой религиозности великого просветителя, которая и была основой его благотворительной деятельности. Фигура Новикова – масона, мистика и вместе с тем великого организатора и практического деятеля – оказалась не по зубам нашей заидеологизированной исторической науке. Поэтому сегодня так важно вспомнить тех, кто, не мудрствуя лукаво, честно, бережно и внимательно относился к найденным документам, по кирпичику собирал и складывал то здание, которое должны были достроить благодарные потомки.

Может быть, еще достроят, кто знает? Будем надеяться.